

рованы инструкциями и артельными связями. Иначе говоря, вертикальная мобильность отягощалась многочисленными условностями, неписаными правилами и закулисными конвенциями.

Нельзя не учитывать и общий культурный фон, одобрявший насилие над внутренними и внешними врагами во имя общего дела. Можно согласиться с суждением, что «само научное сообщество, пройдя репрессии Гражданской войны и 1930-х гг., было психологически готово к репрессивным кампаниям, воспринимая их как ужасающую, но неотъемлемую и потому привычную часть действительности» (с. 45).

В таких условиях любая общественная структура находилась в ситуации риска. Во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. напряжённость в историческом сообществе достигла пика, и хватило небольших усилий со стороны партийных работников — совсем не обязательно высшего звена, — чтобы опрокинуть организацию исторического дела в СССР. Выяснилось — снова обратимся к исследователю Гоббса, — «что между естественным и искусственным нет радикальной цезуры, они суть изнаночные стороны друг друга, и как естественная вражда просвечивает через социальность, так социальное просвечивает через все настроения естественной вражды, недоверия и тщеславия»⁹.

Конечно, можно найти логику и в поступках гонителей, и в уступках гонимых, но это совсем не логика социального института. И это отнюдь не конфликт «партийцев» и «академиков». Это логика войны всех против всех. В такой войне — как и во всякой другой, — наибольшую удачу и отвагу проявляют люди молодые, готовые к риску и насилию. Особенно если они чувствуют поддержку неодолимой силы (в нашем случае — силы «вождя»). Логика борьбы подчиняет себе едва ли не всех участников. В.В. Тихонов — человек смелый. Описывая ход кампаний, дебаты в учёных советах и на партийных собраниях, он называет все имена и не обрывает на полуслове цитаты, даже если они принадлежат почитаемым ныне людям. Возможно, это кого-то обидит или вызовет желание возразить. Думаю, что автор готов к такому повороту событий.

Война, однако, не может продолжаться вечно. И участвовавшие в ней историки после 1953 г. постарались восстановить утраченную социальность, заново — вместе с партийными работниками — выстроить институт исторического знания, но уже с учётом обрётённого опыта. Лояльность к власти, профессиональная автономия и социальный мир — именно на этих основаниях был заново собран институт советского исторического знания. Обсуждаемое исследование, кроме всего прочего, позволяет увидеть в идеологических кампаниях позднесталинской эпохи предпосылку — пусть и отрицательную — участия историков в политике оттепели.

Александр Дубровский: Книга рождает размышления

Alexander Dubrovsky (Bryansk State University, Russia): The book sets one thinking

DOI: 10.31857/S086956870005916-8

Книга В.В. Тихонова отражает творческий рост её автора. От исследования жизни и творчества поколения московских историков, чей творческий путь пришёлся на первую половину XX в., он перешёл к рассмотрению политических

⁹ Филиппов А. Актуальность философии Гоббса. С. 111.

кампаний 1940-х — начала 1950-х гг., ставших нормой жизни в последние годы работы этих учёных. Персонажами книги явились и представители старшего поколения и, главным образом, их младшие ученики, получившие профессиональное образование в 1930—1940-х гг. О последних пока недостаточно известно в отечественной исторической науке. В частности, ненаписанную страницу в биографиях этой группы историков до последнего времени составляли именно наполненные идеологическим шумом военный и послевоенный периоды.

Бросаются в глаза широкий охват темы и большое количество впервые вводимых в оборот архивных источников. Причём привлечённые материалы — протоколы собраний, стенограммы заседаний, отчёты — обладают высокой степенью достоверности. К сожалению, автор не указывает, какие именно источники используется им в том или ином случае, предпочитая глухие ссылки. Читателю всё-таки важно знать, на что опирается исследователь — на протокол или стенограмму, поскольку степень полноты информации, точность передаваемых высказываний в них существенно разнятся. Однако в целом автор создал убедительную картину сменяющих друг друга политико-идеологических валов, накатывавшихся на сообщество историков, одни из которых становились жертвами, другие — истязателями.

Рассматриваемая книга рождает размышления, и это очень важное её качество. Так, в работе вскользь говорится об «окончательном оформлении и теоретическом обрамлении» концепта советского патриотизма (с. 63). Данный сюжет не самый главный, и всё же хотелось бы на нём остановиться. Это приходится делать потому, что в литературе высказано мнение, будто применительно к 1930-м гг. «можно говорить о новом идеологическом курсе, но никак не о смене идеологии»¹⁰. Думается, что новый идеологический курс означает смещение акцентов с одних понятий, существовавших в идеологии, на другие, которые до определённой поры не были актуальны. Но дело-то в том, что в 1930-х гг. появлялись и разрабатывались понятия, которых в идеологии большевиков не было, в частности, «советский патриотизм», ставшее центральным и чрезвычайно актуальным в период послевоенных политических кампаний. Так что эволюция оказалась глубокой, связанной и с введением в идеологию новых духовных ценностей, и с переосмыслением ряда понятий, с новыми оценками, диаметрально противоположными прежним, что вполне может дать основание для мысли о смене идеологии.

Здесь необходимо указать на фигуру К.Б. Радека. Он первым (ещё в 1920 г.) начал пересматривать смысл самого понятия «патриотизм»¹¹. Ему же принадлежит наиболее обстоятельная историко-теоретическая разработка термина «советский патриотизм»¹², который во время войны ещё не получил «окончательного оформления». Зато позже, в 1950 г., обобщая результаты работы, Институт философии АН СССР выпустил массовым тиражом (100 тыс. экз.) сборник статей «О советском патриотизме». Именно здесь понятие оказалось всесторонне освещено, подчёркивалась его направленность «против буржуазного космополитизма». Эта теоретическая работа достойна специального рассмотрения на фоне тогдашних политических кампаний.

¹⁰ Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. — 1991 г.). М., 2015. С. 497.

¹¹ См.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней. Л., 1986. С. 98.

¹² Радек К. Советский патриотизм // Правда. 1936. 1 мая. С. 6.

Автор говорит о «внутренней советизации» населения, в том числе историков «старой школы» из «бывших людей». Политико-идеологические кампании были призваны углубить этот процесс. В качестве примера приводится П.А. Зайончковский, «старавшийся активно влиться в новое общество» (с. 46). Мне думается, что здесь можно усмотреть две составляющих: советизация поведения и марксизация мышления. У старшего поколения — учителей-классиков науки и первого поколения их учеников, родившихся в начале XX в., — оба процесса часто были поверхностны, представляли в качестве игры (подчинение правилам, использование их в своих интересах). Эти учёные если и старались «активно влиться в новое общество», то всё же сохраняли прежние духовные ценности, не отождествляли свою жизненную позицию с официальной.

Тот же Зайончковский, периодически разговаривая по телефону с деканом исторического факультета МГУ Ю.С. Кукушкиным, нередко спрашивал, имея в виду политическую обстановку: «А что, не изменилось ли у нас расписание?» Только в годы перестройки Кукушкин сказал, что теперь мог бы радостно ответить собеседнику: «Изменилось, Пётр Андреевич, изменилось!» Несомненно, Зайончковский ждал либерализации режима и был не в восторге от того, что наблюдал вокруг и вряд ли «активно старался влиться». Он считал себя марксистом и в то же время позитивистом, соглашался с приоритетом экономики, но полагал важными и другие факторы исторического процесса. А когда Н.М. Дружинин сказал ему, что «источники нужно методологически организовывать», ответил: «А я вот и не научился этому». Историк сдержанно относился к «основщикам» — специалистам по истории КПСС и научному коммунизму. Когда в начале 1960-х гг. он редактировал журнал «Научные доклады высшей школы», ни одной статьи таких авторов не пропустил¹³. Кстати, пока не найдено ничего об отношении Зайончковского к кампаниям 1940—1950-х гг.

В работе освещены главным образом судьбы людей, подвергшихся критике в ходе идеологических проработок. Кроме рассматриваемой книги в этом отношении особенно показательна фундаментальная работа П.А. Дружинина¹⁴. Изучение обеих работ приводит к выводу, что отражение этих кампаний в творчестве учёных, в частности историков, исследовано пока ещё в меньшей степени. Между тем поработать в этом направлении было бы интересно. Как стало известно недавно, благодаря диссертационной работе молодого историка В.В. Ковели, в судьбе и творчестве М.Н. Тихомирова кампания борьбы с «буржуазным объективизмом» сыграла ту же роль, что и Академическое дело 1930 г. в судьбе его учителей¹⁵. На него обрушилась такая критика, что он чуть не умер. Власть согнула учёного, он был вынужден приспособливать содержание своих работ к «требованиям времени». Позже, духовно разгибаясь, он корректировал свои выводы и построения. Вряд ли случай Тихомирова уникален. Предстоит ещё изучить наследие учёных, переживших указанные кампании, чтобы выявить последствия духовных потрясений и в этой области.

¹³ Долгих А.Н. О Петре Андреевиче Зайончковском (воспоминания ученика) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX вв. Сборник статей и материалов. Вып. IV. Брянск, 2013. С. 235, 239.

¹⁴ Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. Т. 1—2. М., 2012.

¹⁵ Ковеля В.В. М.Н. Тихомиров и его научное наследие: развитие научных концепций и влияние политико-идеологического фактора. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

Понятно, что в ходе упомянутых кампаний историки вели себя по-разному. Безопаснее было отмолчаться, не лезть в свалку, но даже молчание нередко требовало мужества. Сказал же Тихомиров: «Я в еврейских погромах не участвую». Однако не все могли отойти в сторону — иных обязывало положение. Как вспоминала Е.Н. Кушева, когда по велению сверху С.В. Бахрушину пришлось проводить заседание возглавлявшегося им сектора истории феодальной России Института истории АН СССР, посвящённое критике работ Б.Б. Кафенгауза, на него прислали специального «наблюдателя». К сожалению, Екатерина Николаевна не назвала мне его фамилии. Бахрушин не стал «громить» Кафенгауза, как негласно требовалось, а, пренебрегая «духом времени», повёл заседание так, что состоялся спокойный, совершенно академический анализ работ этого историка. Известно также, что стремился преодолеть общее давление и сдерживал «крови жаждущих» Дружинин. Тихонов приводит замечательный пример: вместо того, чтобы громить кого-нибудь из современников, Дружинин взялся критиковать П.Я. Чадаева. Ещё один эпизод относится к 1951 г., когда была объявлена «антипатриотичной» книга Е.В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». На заседании в Институте истории АН СССР единственной, кто высказался против обвинений, оказалась М.В. Нечкина¹⁶. Вероятно, количество таких примеров можно и увеличить, хотя, скорее всего, они будут немногочисленны. Однако говорить и помнить о них нужно.

Моё внимание привлекло также рассуждение автора по поводу того поколения, которое пришло в науку после Великой Отечественной войны. Историк справедливо (и не единожды) заметил, что это были люди разные. Среди фронтовиков были не только те, кто вернулся домой и мечтал о карьере. «Нового декабризма» не получилось, однако в их памяти война оставила глубокий след. В.П. Данилов не мог забыть ни неожиданного для советского человека впечатления от жизни за рубежом, ни поведения офицеров за пределами Отечества. Кроме того, на молодые годы этого «призыва» пришлось ещё и такое для многих судьбоносное событие, как XX съезд Коммунистической партии. Отсюда, как мне кажется, идут повороты и изломы жизни Данилова, А.М. Некрича, историков «нового направления», А.А. Зимина.

Как видно, размышления над книгой уводят порой к темам, отдалённым от её содержания. Что ж, и в этом тоже её плодотворное значение.

Михаил Ковалёв: Сделаны ли выводы?

Mikhail Kovalev (Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow): Are conclusions drawn?

DOI: 10.31857/S086956870005917-9

История советской научной интеллигенции, её возникновения, расцвета, упадка и рассеяния — одна из ключевых проблем отечественной интеллектуальной истории. Историческая наука, находясь в состоянии непрерывного обмена с окружающей средой, в полной мере испытала на себе последствия глубоких общественно-политических трансформаций. Их динамика неизменно бросала учёным новые вызовы. Всякая обыденная ситуация могла внезап-

¹⁶ Дунаевский В.А., Чапкевич Е.И. «Навеки в памяти народной» // Тарле Е.В. 1812 год. Избранные произведения. М., 1994. С. 486.